

Кирилл Берендеев

ЦТЦ

Кирилл Берендеев

ЦТП

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25911511
ISBN 9785448567360*

Аннотация

Добро пожаловать в Центр терраформирования планет! Мы меняем планеты вот уже сто лет и можем удовлетворить любую вашу фантазию, даже то, о чем вы никогда бы не подумали. Все планеты с гарантией безопасности – атмосфера, гравитация, приведены к земной норме, флора и фауна не причинит неудобств, а все туземцы знают русский, как родной. Откройте дверь в мир новых ощущений, а гидом в этом путешествии будет наш ведущий специалист в области коммуникаций, не один десяток лет работающий в ЦТП.

Содержание

Предисловие автора	5
Свет одинокой звезды	10
Земля в океане	32
Конец ознакомительного фрагмента.	61

ЦТП

Кирилл Берендеев

Корректор Игорь Харичев

© Кирилл Берендеев, 2017

ISBN 978-5-4485-6736-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Всегда было интересно писать истории о пришельцах. Их у меня накопилось на целый отдельный том. А вот представить, что место инопланетян, для других, менее развитых,

миров, займут земляне – это особенная изюминка. Не нечто героическое, как покорение дальних фронтиров галактики на корабле «Энтерпрайз» или подобным ему, но совсем иначе. Как форму бизнеса – привычного и нашим современникам. Бизнеса потребления, который, не изменившись за последующие триста-четырееста лет, продолжает предлагать людям то, чего они даже представить не могут.

Собственно, так и родилась идея Центра терраформирования планет – этакой глобальной корпорации, в ведении которой находятся тысячи миров, которые она колонизует, обдирает как липку, выкачивая все необходимое, терраформирует в угоду землянам, превращая в парк развлечений – неведомо какой по счету. А все чудеса этой планеты обустривает так, как удобно посетителям. Включая и самих туземцев, коли таковые находятся на ней. Этакий аналог корпорации Илона Маска, который везде и всюду пытается успеть, ухватить и предложить как совершенно чудесное и необычное. Только ЦТП это уже устоявшийся монстр, практически монополизировавший положение как в области выкачивания ценностей с новых планет, так и внутри кошельков земных обитателей.

Правда, изначально в голове не было такого плана. Даже, когда я написал первый рассказ из историй о ЦТП – «Моряк возвратился с моря домой» – она для меня не имела логического продолжения. Камерная притча о том, как человека может использовать общество, неважно, какое, крохот-

ная коммуна, или мощная корпорация. Но там я ввел интересного героя, винтика этой самой компании, мыслящего и рассуждающего именно с точки зрения винтика, – и вот наверное, это его появление в рассказе, предопределило будущую серию. Через несколько лет я вернулся к ЦТП в рассказе «Заколоченные небеса», где тот же самый герой проявляет прежнего себя, действуя несколько в иных обстоятельствах. А затем мне понравилось затея, последовало продолжение. Возможно, ему, безымянному винтику, – я сознательно не давал имена никому из землян, – тоже идея пришлась по душе. И вот он, то молодой, то старый (а я писал серию скачками из прошлого героя в будущее и обратно), продолжил свое неустанное, бессмысленное и беспощадное странствие по планетам, внося хаос и разрушение всюду, куда бы ни ступала его нога, представителя могущественной корпорации. Он что-то искал, кого-то спасал, пытался разрешить споры – но что бы ни делал, финал оказывался очевидным. И вы догадываетесь каким.

Впрочем, не буду пересказывать самое интересное, вы прочтете это и так, следуя вместе с героем по страницам цикла повестей и рассказов, в каждом из которых, на каждой планете, посещаемой безымянным героем, непременно оказывалась бы какая-то изюминка, нечто необычное, из ряда вон выходящее, что бы ни походило на уже знакомые нам планеты. Впрочем, ничего удивительного, ведь именно такие и отправляет в разработку Центр терраформирования –

зачем ему обыденность, ее туристам хватает и на просторах солнечной системы.

Последним по времени оказался один из первых по сюжету. Повесть «Земля в океане» – своеобразный ответ «Обитаемому острову» братьев Стругацких. Или перевертыш, если хотите. Идея возникла еще до одноименного фильма Бондарчука, и поначалу никак не связывалась с ЦТП, но как только связалась, тогда и появилась повесть. И в ней, еще молодой герой, снова пытался проявить себя с самых разных сторон. Но и не только. Автор хотел разъяснить, отчего же герой стал тем, кем стал. Бездушным механизмом в машинерии, поистине космических масштабов. Надеюсь, у меня получилось.

Я даже написал некое подобие предисловия к циклу о ЦТП, и некий почти параллельный сюжет, связанный только что этой вселенной. Но поскольку предисловие вышло совершенно меняющее представление об устройстве Центра, а параллельный рассказ никак не затрагивал основ корпорации, их я решил не объединять с остальными опусами. Тем более, что и герои там другие и идея. Так что их вы можете найти в другом сборнике рассказов, именуемом «Пришельцы». Им там самое место.

Когда цикл был почти закончен, мой замечательный соавтор Аня Райнова вдруг предложила написать некое послесловие, продолжение не странствий одряхлевшего героя, которого в одном из последних рассказов я все же выпрово-

дил в отставку, но «подвигов» человека совершенно нового, возможно, его дальнего потомка. Молодого, энергичного, но бестолкового, наступающего на те же грабли, и становящегося тем же, при сходных и, одновременно совсем иных обстоятельствах. Ну разве можно было отказать? Тем более, что результатом должна была стать сатирическая повесть.

Мы взялись за работу, она продолжалась, с долгими перерывами, значительное время, пара лет ушло на то, чтоб написать всего-то четыре авторских листа текста. Но дело мы не бросили, повесть спасли, больше того, она неожиданно стала именно тем финалом, которого в моем цикле не оказалось. Вернее, который был, но довольно слабо выраженный. А потому, долгожданному появлению повести «Ненормативная этика...» оба были довольны – и по самым разным причинам, а не только потому, что завершили большое дело. Главное, как завершили, как подвели черту под всем объемом историй о Центре терраформирования. Нам кажется, весьма удачно.

Ну а вам, дорогой читатель, решать, как выписан весь цикл. Будет весьма приятно узнать ваше мнение.

С уважением, Кирилл Берендеев.

(в оформлении обложки использована фотография неизвестного автора «Длинная зала в дублинском колледже св. Троицы» (Тринити-колледж), 1885г.)

Свет одинокой звезды

Самый край Пояса Ориона. Бархатная тьма беспроглядной ночи, в сравнении с которой, земное небо кажется световой феерией. Мне предстояло отправиться еще дальше, к звезде, которая не входила даже в состав нашей галактики, на такую периферию, куда я, за все время моей работы, и не предполагал ступить. Тем более, таким образом.

Это был всего лишь второй полет на космическом корабле. И первый по служебному заданию. Недалеко, по меркам нашего времени, до планеты 2012, находящейся за краем Пояса Ориона, в сотне парсек от него. Мгновение для перехода – если бы там находились действующие врата. Но в то и дело, что канал тахионной связи оказался разорван – и, как назло, случилось это сразу после того, как на планету, немного обустроенную роботами, прибыла первая группа техников и старателей. Первые проверяли и корректировали состояние терраформированной планеты, вторые принялись за извлечение ее богатств. Время – деньги, сами понимаете. И чем больше времени планета находится в стадии терраформирования, тем быстрее ее приходится разрабатывать. Так и случилось с 2012: частые поломки не давали подсоединить ее к системе врат, а едва соединение случилось, и техника удалилась за новые горизонты, освобождая место людям, полетел термоядерный генератор. Починить на месте

его не смогли, поэтому послали грузовик с запасным и кое-каким дополнительным или позабытым в спешке оборудованием с планеты 1834, вместе со мной, находившимся там с целью проверки недавно введенных объектов Центра терраформирования планет.

Собственно, я сам напросился в экспедицию. Мой начальник, получив докладную, обрадовался внезапному рвению. Не противились и на 1834, наоборот, рады были спроводить молодого, а потому изрядно всем докучавшего эксперта. Лететь предстояло почти месяц, мне предложили улечься спать, но я предпочел не пропустить старт и выход на траекторию – единственно, ради чего и хотелось пережить заново детские воспоминания о первом полете до Нептуна и обратно, – и улегся сам, когда того потребовал корабельный вычислитель.

А проснулся через двадцать дней. Под истошное завывание сирены и кроваво-красные огни диспетчерского пульта – ну точь-в-точь как в старинных фильмах о мужественных космопроходчиках. Вот только этот сигнал с бортового вычислителя, транслировавшийся непосредственно в мозг, заставил сорваться с места и помчаться к спасательной шлюпке. На корабле произошла внезапная разгерметизация грузового отсека.

Когда я ворвался в шлюпку и задраил дверь, корабль трянуло. Новое предупреждение порадовала еще меньше: «Неполадки в прямоточном тахионном ускорителе». На мои

приказы разобраться в обстановке, шлюпка не отреагировала. Ей достаточно было сообщения о резком возмущении поля, возможно, от старой линии перехода или скорее, недавнем следе другого корабля, не указанном в навигаторе, но вставшем как забор на пути судна. В возмущение поля и ударился корабль, на крейсерской скорости в четыре с лишнем тысячи световых.

Мгновение – и я катапультирован, оставив кораблю самому решать возникшие проблемы. А секундами позже вой повторился вновь – разорвав гиперпространство, шлюпка оказалась в нескольких тысячах километров от какой-то планеты. Номер 2011, как было сообщено бортовым вычислителем, терраформирование начато три года назад, но ни свидетельства о сдаче планеты, ни комплексных данных нет. Скорость с третьей космической, коей обладает объект, аварийно покинувшей линию перехода, стремительно падала, но планета уже заполнила собою экраны. А значит... «Аварийная посадка, немедленно вколите комплект лекарств №2 и погружайтесь в скафандр. До столкновения с поверхностью осталось двести шестьдесят восемь секунд... двести шестьдесят четыре секунды...».

Я послушно пшикнул в плечо капсулу и принялся упаковываться в скафандр. Гелий залил свободное пространство вокруг, с шипением выдавливая воздух. Грудь сдавило, мне было рекомендовано глубоко дышать – под непрерывное: «шестьдесят четыре секунды, шестьдесят две секунды...» –

я несколько раз вздохнул, заполняя гелием легкие. И в этот момент счет завершился.

Удар, еще удар. Тряхнуло так, что скафандр сорвался с ложементов и ударился о стену. Гелий немедля испарился, меня выбросило, ударило обо что-то. В бортовые окна виднелась пустыня до горизонта, какие-то засушенные зноем деревца, чащобу которых пропарывала носом шлюпка. Затем, новый удар, еще один, свист выходящего (или входящего?) воздуха – и темнота.

Наверное, я долго пробыл без сознания. Ибо когда очнулся, шлюпка успела залатать пробоину, и теперь восстанавливала поврежденный вычислитель и кабеля питания. Я пошевелился, медленно приходя в себя.

Боль улетучивалась, частицы лекарственного комплекта, проникшие в кровь, разносились по организму, заживляя многочисленные колотые ранения, отдавая приказ клеткам быстрее делиться. Я попытался подняться, нет, до переломов дело не дошло, можно сказать, отделался легким испугом. Выглянул в окно.

Окружающее пространство впечатляло. Вернее, то, что произошло с ним, после моей посадки. Тот чахлый густой лесок, что рос прежде, исчез, его место занимала – насколько хватало глаз – выжженная, покрытая слоем легкого пепла угольно черная пустошь. Вдалеке, там, где неспешно собирался вечер, еще виднелось слабое зарево, однако и оно вскоре исчезло, стоило только подняться легкому ветерку,

поднявшему пепельную пыль в воздух.

Снова подумал, как хорошо, что со шляпкой ничего серьезного не произошло. Обратился к вычислителю, но тот упорно молчал, единственно, что могло утешить меня хоть как-то, была надпись на неповрежденном экране: «Системный сбой, ведется предварительный анализ возникших проблем». В переводе это означало, что ЭВМ не вырубилась совсем, но была не в состоянии исправить полученные повреждения, пока не поправится сама. Мне оставалось ждать и надеяться, что повреждения системы не окажутся слишком серьезны.

Я проверил оборудование шляпки, связь не работала, ни один из дублирующих передатчиков, но я надеялся потихоньку на проходящий в себя вычислитель. В аптечке нашлись антидепрессанты, добрый запас минералки и полулитровая фляга неплохого вина, а так же белковый синтезатор. Продуктов нет, даже стандартного трехдневного рациона, не знаю, о чем думали собирающие меня в путь. Явно не о возможности катапультирования. Ведь так спешили отделаться.

Ну, конечно: спустя пару минут я нашел тому подтверждения – ящик инструментов, забытый рабочими в багажном отсеке. Именно разлетевшиеся ключи разрубили кабели питания вычислителя, повредили передатчики и довели шляпку до инсульта. Я собрал их обратно в ящик: жаль, нет опыта обращения, иначе бы находке только порадовался.

Вычислитель ожил через три дня: пискнув, экраны, погасли и система наконец, перезапустилась. С нетерпением ждал я результатов сканирования местности; но все переживания оказались напрасны. Ближайшее время мне не придется сидеть, законсервированным в шлюпке, воздух на 2011 вполне пригоден для человека. С единственным «но»: процентный состав кислорода оказался много выше земного, около тридцати. Видимо, это и вызвало столь бурную реакцию при посадке; единственной искры хватило, чтобы уничтожить все здешние чащобы, вплоть до самого горизонта. Как бишь его... «паркетного дерева», уточнил вычислитель. Некая разновидность туземного плюща, оккупировавшую почти половину площади единственного суперконтинента планеты, кем-то образно названного Гондваной. Который в свою очередь занимал половину поверхности планеты, чем и объяснялся крайне засушливый климат 2011.

Я потыкал по уцелевшему сенсорному экрану, требуя подробности, в особенности меня интересовали причины так и не завершеного терраформирования, но ничего путного не нашел, что только раззадорило любопытство. Раз уж предстояло пробыть несколько недель в ожидании помощи, то это время я жаждал провести действительно и с пользой: трехдневное сидение в узкой шлюпке, заваленной разбитым оборудованием, подточат любую нервную систему.

Я выбрался на поверхность планеты. Пьянящий, наполненный кислородом воздух, закружил голову, мне пришлось

сдерживать себя от резких вдохов, чтобы придти в себя. Гравитационную постоянную на 2011 еще не привели к земной норме, а потому ноги сами несли меня по вдвое меньшей Земли планетке. По припорошенной пеплом, но, как ни странно, влажной поверхности, на которой повсюду пошли в рост мясистые бесцветные растения, разбросавшие тяжелые листья по земле – прежде скрывааемые паркетным деревом, теперь они получили долгожданную свободу и торопились воспользоваться ею, покамест небо снова не закрылось вечными сумерками. Я наклонился к почве и с изумлением увидел не только отовсюду лезшие ростки, и сновавших меж ними насекомых, но и плотные шляпки грибов, которым достаточно было моей тени, чтобы начать люминесцировать, привлекая мошек и поглощая их в тягучих каплях, застывших на вогнутой поверхности шляпки.

Нога попала на плоский гладкий корень, я не удержался и упал. Поднялся, отряхиваясь, и понял, что размазываю по комбинезону не пепел, а настоящий чернозем. Здешние почвы богаты им необычайно, что уж никак не вязалось с пустынным климатом планеты. Я пошел за лопатой, откопать зарывшийся нос шлюпки, а когда добрался до него, понял, как глубоко, более чем на метр, уходит черноземный слой.

Когда сенсоры носа шлюпки показали из серой глины, я получил интересные сведения от оживавшего вычислителя. Паркетное дерево доминирует, по крайней мере, на этом участке планеты, вот уже триста тысяч лет, сравнительно

недолго для растений, хотя сам вычислитель охарактеризовал полученные данные строкой: «на человеческой памяти».

Я поинтересовался, каким он видит предыдущие тысячелетия 2011, но данных для него было недостаточно. Да и все силы он копил для отправки сигнала по тахионным полям на 1834. Заметил только, что поглощение растительного покрова планеты паркетным деревом произошло постепенно, вполне вероятно, из-за неблагоприятных погодных условий. В центре Гондваны находится огромная пустыня, площадью в сотни тысяч квадратных километров, при резком повышении температуры на планете, что связано с ее прецессионным циклом, и уменьшении влажности в атмосфере паркетное дерево получило стимул к неограниченному распространению. Вероятно, оно и прежде занимало значительные площади, являясь доминантой растительной эволюции 2011.

Слово «доминанта» в отношении быстро распространяющегося сорняка мне не очень понравилось. Особенно, если этот сорняк способен жить вечно: ведь его ветви создают дополнительные кроны в стороне от основного ствола, и устремляются дальше и дальше, выпуская все новые ветви, образуя сверху почти идеальное покрытие, внутри коего растут его листья и вызревают плоды, а так же обязаны ютиться и все остальные обитатели планеты. Как именно это происходит, вычислитель любезно продемонстрировал мне. Я покачал головой. Почему-то захотелось отмщения обнаглевшему плющу.

На время я прогнал эти мысли из головы – главное, выбраться с негостеприимной планеты, заодно и выяснив, отчего она так и не была доведена до ума. Однако, случай сыграл свою роль, вернув меня на стезю мстителя. Правда, произошло это очень не скоро.

Прошел почти месяц, прежде чем шлюпка восстановилась настолько, что была способна к первому, после крушения, полету. С каким же нетерпением ждал я этого дня! За пределы атмосферы планеты мне при всем желании подняться не удалось, но просто воспарить в небо, подобно птице, это забываемо. И поглядеть, сколь далеко распространилась брешь в зарослях паркетного дерева, выяснив, как же сильно этот сорняк сжал тисками все живое сего негостеприимного уголка Галактики. А заодно добраться до моря, взглянуть на него, я давно уже не бывал в таких местах. Как-то оно на этой планете.

Может показаться странным, что в мои мысли в этот момент, да и в долгие последующие, никак не проникала идея о спасении. Напротив, я был столь уверен в неизбежности подобного финала, что и думать перестал о нем, едва выяснилось, что вычислитель способен восстановиться, и, собравши в недрах своих новый передатчик, послать в тахионные поля сигнал о помощи. А ведь сигнала ждут, поисковые бригады готовы вылететь в любой момент, только запеленгуют слабый призыв моей шлюпки. Возможно, они и сейчас ищут меня, пытаются искать, но ведь найти шлюпку

в безбрежном пространстве многожды труднее, нежели иголку в стоге сена. Именно поэтому всякое спасательное средство оснащается столь надежной, многократно продублированной системой защиты, на любой случай, на какую бы то ни было аварийную ситуацию.

Пока же шлюпка восстанавливалась, я совершал короткие экскурсии по окрестностям. Питался быстро растущими растениями – за этот месяц они, освобожденные пламенем, вымахали значительно выше моего роста, и теперь их тень создавала прохладу во время моих прогулок, продолжавшихся по несколько дней кряду. Я бродил среди стремительно растущих деревьев и кустарников, словно в собственном саду, радуясь скорости их роста, наслаждаясь теплой упругостью листьев, лишь сейчас медленно зеленеющих, начинающих вспоминать умение питаться светом, утраченное за тысячелетия заточения в сумраке. Я следил за игрой света на хищных грибах, особенно красивой по ночам, за тучами мошкеры, носившейся меж сережками и венчиками с пыльцой, за ленивыми слизнями и торопливыми жуками. Я путешествовал среди возрождающегося великолепия, и каждый новый день дарил мне новые открытия.

Я узнал о растениях, способных перемещаться, спасаясь от нашествия слизней, и увидел мотыльков, впервые в жизни пробившихся к свету. Я находил пеньки паркетного дерева, и с радостью видел, как их оккупируют ползучие грибы и древоточцы, медленно превращая в труху. На свой страх

и риск я нюхал серые цветы, и, их странный пластмассовый запах мне казался куда прекрасней любых благовоний. Я видел ручьи, впадавшие в речушки, в свою очередь переходившие в неполноводные реки, медленно несущие воды свои не то к далекому океану, не то к неведомым озерам, пока еще сокрытым от моих глаз. Я брел вдоль ручьев, пугая тамошних жителей – бесцветные водоросли, стремившиеся отползти от берега да жуков-плавунцов, охотящихся за какими-то пресноводными креветками. Рыбы здесь не водилось. Планета была на миллиард лет моложе Земли, и только начинала свой эволюционный путь.

Я словно бы обрел этот мир, а он, в свою очередь, принял меня. Быть может, еще и поэтому всякая мысль о бегстве с 2011 казалась кощунственной. Особенно, когда я увидел лишь малую толику всего благолепия, освобожденного от плена.

А потому, стоило лишь шлюпке подать сигнал о готовности, я поспешил к ней. И не медля ни минуты, не проверяя и не совершая пробных полетов, стартовал с места приземления – изрядно уже заросшего белесой травой – и устремился к морю, туда, где всего в трехстах километрах по прямой, находился берег.

Я погорячился, возможно, шлюпка тоже. Словом, мы не долетели, подвела система навигации. Что-то спуталось, но берега мы не нашли и через четыреста километров, а через шестьсот двигатель забарахлил, неожиданно перегрев-

шись. Пришлось садиться.

Прямо у края паркетного дерева. Только теперь я смог по-настоящему оценить, что именно представлял собою мой враг.

Шлюпка мягко опустилась среди бледных деревьев у самого края чащобы. Нет, не чащобы, плотного, без единой щелочки, забора, резко вздымавшегося на высоту метров пяти и уходящего вдаль, насколько хватало глаз. Не без труда я вскарабкался на него, взял приступом вершину – ветви, утыкавшиеся в землю, идеально ровные, без единого листка или отростка, и словно покрыты лаком – пальцы скользили, мне пришлось взять перчатки.

Поднявшись, я увидел то, что и должен был узреть всякий оказавшийся на 2011 не столь экстремальным, как я, путем. Паркетное дерево, словно, уложенное хорошим мастером, покрывало все оставшееся пространство, до самого горизонта. Редкие волны шли по нему, где-то медленно спадая, возможно, скрывая овраги или ложбины, а где-то набирая высоту, карабкаясь на холмы и сопки. Я постоял недолго, затем вернулся к шлюпке.

За день неисправности оказались устранены, можно отправляться дальше. К заветному морю, ведь именно туда, напомним мне вычислитель я и собирался. Оказывается, море все время было неподалеку, просто мы летели вдоль него. Ошибка системы, не до конца обретшей внутренние резервы. Теперь повреждения исправлены, пора в путь.

Я согласился, но осталось одно дело. Совсем небольшое. Когда мы стартовали, я дал приказ шлюпке спуститься над паркетным деревом, и только там ударил по газам, круто кабрируя. А на высоте в километр остановился, взглянуть на содеянное. И засмеялся радостно. И заплакал, не в силах сдержаться, глядя как торопливо, со скоростью призового скакуна, расходятся круги пламени от места моего старта, пожирая переплетение ветвей, освобождая все новые и новые территории. Я завис над быстро текущей вдаль линией огня – там оно освободило пригорок, там ложбину, обнажив небольшую запруду, здесь меандр небольшой речушки, следом заилевшая старица, а чуть далее уже полноводная река показалась моему взору. А дальше – озеро, настоящее озеро, все увеличивающееся и увеличивающееся в размерах; огонь спешил, торопясь открыть мне все плененное прежде, лишенное солнца и ветра пространство, покамест неведомое его открывателю.

И я спешил за огнем, где он выдыхался, помогая ему огнем разгоряченных дюз. С криком, я бросался вперед, на бескрайние просторы паркетного дерева, и наносил точечные удары, мгновенно становившиеся глубокими ранами. Шлюпка едва увернулась, на миг отобрав управление, от скального выступа – хоть его не захватил древесный сорняк – и вернувшись под мой контроль, продолжила наступление. А за мною шла, ширилась огненная черта, разделившая, весь простор надвое. От одного края мира до другого.

И не было в те минуты человека счастливее меня. Я кричал что-то, хохоча и плача, не в силах выразить радость внезапно обретенной свободы, я вставал с кресла и прыгал в шлюпке, и в такие минуты она тормозила, прижимаясь к земле, а я, снова усевшись за штурвал, кабрировал, направляя огонь небесный на ненавистное паркетное дерево, подчинившее себе планету. И в эти минуты не существовало для меня ни вчера, ни завтра, ни того вчера, что осталось на 1834, ни того завтра, что ждало на 2012 или самой Земле. Я был свободен и от прошлого и от будущего, я забыл обо всем: о прежней миссии, о работе, о делах, даже о спасателях – я был абсолютно свободен. И счастлив новообретенной свободой, ибо знал, что никогда, ни до, ни после этих минут, ничего подобного у меня не случится. Что паркетное дерево, но только иного рода, сокроет меня, едва только я подам сигнал и найдусь, и все вернется на круги своя. И потому в эти минуты я жадно глотал бесценный воздух, перенасыщенный живительным кислородом, глотал его, не раздумывая, позабыв обо всем. К великому счастью обо всем позабыв.

И лишь когда шлюпка подала сигнал о новой неисправности, я вернулся. Спустился с небес, в чьи безбрежные дали воспарял, в надежде уйти насовсем, отринув все, и никогда уже не вернуться. И тихо, утирая пот, смешанный со слезами восторга, посадил свой кораблик на берегу заветного океана. Выбравшись из шлюпки, долго, пока меня не накрыла тьма, стоял у самой воды, на песчаном откосе, среди дюн,

до которых не добралось ни паркетное дерево, ни другая растительность, стоял в абсолютном одиночестве, слушая ленивый шорох волн об изрезанные прибоем скалы и вглядывался в затуманенной дымкой уходящего дня горизонт. Смотрел, не в силах оторвать взгляда.

Что-то плеснуло невдалеке, когда солнце скрылось за горизонтом, истаяло в океане, и какой-то меченосец медленно выполз из моря, в поисках своей свободы. Своего нового мира. Но оказалось, все, что было надо ему – выброшенные прибоем водоросли – добравшись до них, меченосец зарылся в гниющую массу и медленно утащил обратно. А я, проводив взором морского обитателя, поднял глаза.

И увидел черное, словно бархат, небо. И в самом зените одинокую белую звезду, дрожащую от дуновения легкого бриза, потянувшегося с океанских просторов. Единственная, она сияла посреди черноты космоса, и ни одной вокруг, сколь бы я ни шурился, вглядываясь в темень. Одна, она сверкала в небесах, и от легкого бриза подмигивала мне. И я смотрел на нее, долго, с какой-то безнадежной грустью, пока шлюпка не позвала меня. Но и тогда не сразу отвел взор. И укладываясь спать, все пытался найти ее – единственную на небе. Одинокую, посылающую лучи в крошечной тьме, оторванную от своих товарок десятками парсек пустого пространства.

Я и во сне видел ее. Будто грелся в нежных теплых лучах. Кажется, словно, шептался о чем-то с ней. Что-то говорил.

И долго ждал ответа.

Но, проснувшись, не помнил, был ли мне послан этот ответ. Некоторое время лежал бездвижный, в койке, ожидая чего-то. А затем вспомнил о своей миссии. Вышел из шлюпки, последний раз оглядев посуровевшее море, затянутое серой пеленой волн – резкий ветер дул с дюн, неожиданно холодный – за ночь температура опустилась градусов до двадцати, так, что мне, привыкшему к местному пеклу, казалось непривычно холодно.

Вычислитель сообщил, о проходимом в настоящей момент апогее орбиты 2011, на календаре планеты давно стоит зима. Стоит ли говорить, какое нас ждет лето. Я так и подумал: «нас» – словно, мое намерение остаться тут столь надолго, вызрело окончательно.

Впрочем, я не задумывался настолько вперед. Сейчас предо мною стояла иная задача – и в течении последующих недель я с упорством ее выполнял, методично выпаливая все новые и новые участки паркетного ковра, одерживая над ним верх, а затем уже добивая остатки, превращая прежнего владыку в жалкого беженца, вынужденного искать убежища на дальних островах и пустынях – только когда весь ковер Гондваны уничтожен, и все ковры на прилегавших крупных островах последовали за ним, я успокоился и оставил в покое дерево, порешив, что за меня с его владычеством лучше разберутся освобожденные.

И так и происходило. Повсеместно, на вскрытых огнем

участках, быстро произрастали задуманные сотнями истекших тысячелетий деревья и кустарники, открывались неведомые озера и реки, ложбины и холмы, сопки и ущелья. Дивный мир открылся мне во всем своем разнообразии, я созерцал его, я путешествовал среди его обнажившихся красот и восхищался ими. И той свободой, что даровал ему и, прежде всего, себе.

А по ночам, когда бои заканчивались, и наступал тихое время мира и спокойствия, я оставался наедине с той, единственной, что светила мне в бархатной темени небесного полога, с которой говорил, и рассказывал все. О происшедшем со мной и мне предстоящем, посвящал ее в свои думы и замыслы. Делился самым сокровенным, и спрашивал мнения по тем вопросам, которые не мог разрешить сам. И она отвечала мне – языком, понятным лишь нам двоим, и говорила о вечном под ее сиянием, а я молчал, вглядываясь в зенит или закрывал глаза, и в абсолютной темени внимал незримому трепету, исходившему от нее.

Так проходили сутки, складываясь в недели, оказываясь месяцами. Мне трудно сказать, сколько ночей со мной была моя звезда, казалось, что всегда, просто прежде я не видел и не слышал ее, и понадобилось вот это путешествие, вот эта катастрофа, чтобы очищенный от светил небосвод планеты обнаружил ее, единственную, и открыл ее трепетный, нежный и чуткий язык. Осторожно коснувшейся моего сердца и уже не отпускающей. Шепчущую о пустяках и о важном,

терпеливо выслушавшую меня и отвечающую на вечные вопросы, что испокон веков люди задавали таком вот одиноким, как и они сами, звездам.

И ответы ее приносили покой и благодать в мое сердце. Мы оставались наедине каждую ночь. И каждую ночь проводили вместе, словно истосковавшиеся любовники.

Возможно, так оно и было на самом деле. Возможно... я никогда не смел думать об этом, покуда моя звезда светила мне. А она каждый вечер и каждую ночь была со мной – так зачем вредить своему счастью домыслами, ведь связь так хрупка, а небо так обманчиво близко. Только потерявший свою звезду человек, вспоминая о былом, ищет причины и находит сходства. Мне на 2011 все это ни к чему.

До тех самых пор, пока однажды вычислитель, напитавшись энергией из восстановленных генераторов, не начал сканировать окрестности планеты, на предмет выявления тахионных потоков, дабы подать сигнал, и не обнаружил два следа. Один совсем недавний, ему не исполнилось и четверти года – от моего корабля, выбросившего спасательную шлюпку и канувшего в неизвестности, и другой, более старый, но надежный – ведущий напрямиком к планете и на ней обрывающейся.

Говоря точнее, к позабытым вратам 2011, некогда закрытым и заброшенным настолько, что и я не заметил их. Впрочем, и не жаждал этого. Стремилась программа вычислителя; найдя координаты врат, она и послала шлюпку на встре-

чу с ними.

Я же... вынужден был подчиниться ей. Даже абсолютная свобода должна иметь какие-то пределы. Наверное, подсознательно я ощущал это, но старался не придавать значение слову завтра, живя сегодняшним днем. Это мне прекрасно удавалось, но теперь времена изменились, они не могли не измениться, я не мог оставаться вечным Робинзоном Крузо, а потому излечившийся вычислитель подал мне сигнал к возвращению.

Когда мы прибыли на место, я не сразу высмотрел врата. Они находились в двухстах километрах от места моей первой посадки, и столь сильно заросли, что увидеть двухэтажное здание на фоне бледно-зеленой растительности, вытянувшейся почти на десятиметровую высоту, представлялось задачей не из легких. Здание не имело крыши, и ветер свободно гулял меж перекрытий, раздувая мясистые ветви поднимавшихся деревьев. Мне пришлось изрядно попотеть, прежде чем я добрался до генератора. И обнаружил, что он полностью разряжен. Вычислитель порекомендовал воспользоваться вратами, послав через них сигнал о спасении. Тогда на дорогу ко мне у спасателей уйдет примерно месяц – на звездолете, конечно. Но я отказался, раз уж он заикнулся о возможности зарядки аккумуляторов, так пускай так оно и будет. Пусть за мной придут спасатели – но через врата. Даже несмотря на двухмесячные приготовления к работе генератора.

Вычислитель смирился с моим решением; словно машина почувствовала мои мысли и не стала противиться им.

А для меня наступало время прощания с планетой. Эти два месяца – или чуть больше – как раз тот срок, чтобы суметь собраться и уйти, чтобы сами излишне долгие сборы успели наскучить, и расставание с 2011 и с ее безымянной звездой, так долго шептавшей мне ночные истории, прошло менее болезненно.

Вытащив из шлюпки и установив вокруг врат все необходимое оборудование, я принялся прощаться. Нет, сперва я с тревогою ждал, начнут ли заряжаться стильные аккумуляторы; помучив меня около суток, ушедших на тестирование и восстановление, они все же стали принимать в себя первые киловатты энергии, коих со временем окажется достаточно, чтобы восстановить давно потерянный канал связи. А пока канал восстанавливался, я разлучался с планетой. И с той, единственной. С ней, так получилось, я прощался дольше других.

Год на 2011 на треть короче земного, лето вступило в свои права, когда заработал генератор, и врата отворились, выпуская из дальних глубин из бесконечно краткого странствия двух техников в робах ЦТП. Оба долго вертели головами, жмурились, привыкая к яркому свету. И разглядывали бескрайнюю пустошь, протянувшуюся от горизонта до горизонта. Ветер, теперь совсем слабый, лениво гонял песчаные вихри, обдавая жаром, опалая и стерилизуя безжизненные про-

странства суши.

– Мне казалось, тут должно быть нечто иное, – наконец, произнес один, тот, что постарше. Я кивнул медленно, уже готовый к ответу, коротко рассказал обо всех днях пребывания на 2011. О воскрешении и о смерти под палящим солнцем и бесконечными песчаными бурями пришедшими с центра Гондваны. Он долго молчал, а затем положил руку на плечо, дружески похлопал, пытаясь успокоить.

– Ну, всякое бывает. Не надо так убиваться. Что-то да непременно останется, – он вздохнул. – Жизнь это такая штука, с которой не то, что песчаные бури – человек, со всей его техникой, и то справиться не может. Непременно что-то да останется, прорастет и вылезет. Такова уж сила жизни, что ее ничем не возьмешь, как ни старайся. Солнце вот это взорви, а и то она останется. Где-то в какой трещинке, в куске льда, да где угодно. Но только потом, как станет полегче, сразу воспрянет.

– Закон природы, – согласно кивнул второй. – Иначе как бы сама Земля заселилась. Какой-то кусок камня неизвестно из каких далей прилетевший, а и то принес бактерию или вирус, не помню, в школе учили...

Я не слушал, спросил, перебив, что они будут делать с планетой. Оба синхронно, словно братья-близнецы, пожали плечами.

– Это начальству решать. Мы-то не знаем, чего планету забросили. Канал восстановлен, если надо, хоть сейчас ко-

пай.

Я усмехнулся, рассмеялся нервно. Ведь моя миссия и началась с этого. Когда-то в прошлой жизни. На канувшей в прожитом 1834.

До 2012 я так и не добрался. Зато обрел и потерял совсем другой мир.

Старший снова коснулся моего плеча.

– Знаете, я вам даже завидую немного. Вы вот так взяли и... Поэтому долго на связь не выходили? – я кивнул. – Вас искали, я слышал. Сразу как корабль на 2012 сигнал об отстреле шлюпки подал. Долго искали, не один месяц. Видно, вы очень нужны там, на вашей службе.

Я покачал головой.

– Скорее, результаты моей миссии.

– Не преуменьшайте. Хотя, если говорить о 2012... – и замолчал. А затем сменил тему: – Нам пора. Пойдемте.

И я послушно двинулся к люку. Наступали сумерки, небо быстро чернело, ветер послушно стих. И над головой забрезжила, в последний раз, моя единственная, теряемая безвозвратно. Я смотрел на нее, пока закрывались врата, и после не отвел головы, стараясь удержать образ как можно дольше. А потом, мгновения не прошло, меж нами пролегла бесконечность пространства. Другие врата раскрылись, и я оказался на Земле.

Земля в океане

Контракт со мной продлили. Правда, на неприятных условиях: на полтора месяца отправили в частично оплачиваемый отпуск, а после, уже без содержания. При этом, договор запрещал обращаться на биржу или пытаться устроиться самолично на то время, пока я ЦТП не надобен, потому с деньгами, если высшее руководство не договорится само с собой, будет напряженка. С корпорациями всегда так, одно телодвижение наверху, и тысячи сотрудников оказываются без средств. Сам не пойму, чего я поперся служить этому монстру. Потому же, почему и все в институте – на гарантированное местечко? Или просто вслед за ними, чтоб не терялась компания? Да все равно растерялась в отделах и секторах.

Впрочем, чего сейчас забивать голову, еще будет время. В первый день я здорово напился, на второй, как следствие первого, тоже оказалось ни до чего. А в третий совершил, наверное, самый несусветный поступок. Один из бывших сослуживцев посоветовал отправиться, хотя бы на недельку-другую, на 912, планету, не отмеченную в туристических каталогах и путеводителях, но зато весьма примечательную, мягким климатом, интересным населением, да и возможностью чем-то заняться, если будет возможность. Дело в том, что хотя ЦТП и закончил терраформирование планеты, от-

крывать ее, по какой-то причине не спешил, напротив, даже я, работая младшим инспектором четыре года, побывав на полусотне планет, ничего не знал о ней.

Вернее, знал, но как – до меня доходили слухи о туземном сообществе, эдакой заманчивой дыре на окраине галактики, где нравы просты, люди приветливы, а правители не лезут не в свои дела, занимаясь внешней политикой и налогами. На 912 еще сохранились государства, тоже реликт, легенды гласили: шишки из совета директоров подолгу живут среди ничего не подозревающих аборигенов. А не на Эдеме, планете за номером 1210, где и располагался корпоративный штаб управления Землей и колониями. Для некоторых побывать на 912 было все равно, что приникнуть к животворному источнику. Многих туда не пускали, при этом не объясняя причин, что только порождало новые сказания. Мне так и вовсе казалось, эта планета едва ли не коллективный вымысел работников низшего звена, чтоб как-то скрасить уныние однообразных лет служения Центру. Собираемые с разных миров, мы ежедневно вливались в недружный коллектив управления гигантской империей, рассасывались по корпусам, секциям, отделам, занимаясь вечно входящими и исходящими, потоком, который невозможно остановить, даже если солнце погаснет или планета, считавшаяся для всех, без исключения, родной, перестанет вращаться. ЦТП и ее терраформирует, зажжет новое светило, и вычтет с каждого за выполнение этой работы.

После одинокого пьянства, только такие мысли и лезли в голову, а потому отвлечься хотелось особенно сильно. Я пришел к начальнику отдела и прямо спросил о 912, он удивился, конечно, но выписал рекомендательное письмо. Да, оно никого ни к чему не обязывало, но хоть какой-то пропуск. С письмом я прошел в сектор внутренних дел, и тут случилось странное – мне немедленно предоставили доступ на месяц на посещение 912. Без строгих собеседований, о которых столько слухов ходило, без долгих проверок службы собственной безопасности, которыми пугали так и не побывавшие на планете. Мне даже показалось, что произошла ошибка. Но нет, в пропуске значилось обязательное собеседование, обязанность неразглашения и все прочее, что сопровождало именно ее, девятьсот двенадцатую.

На следующий день я прошел жесткий инструктаж, после которого и получил заветное приглашение. Сказать, что возликовал, но нет, все не верилось – и сравнительной легкости, с которой мне посчастливилось попасть на закрытую планету, вообще, столь быстрому осуществлению мечты, много лет хранившейся в запасниках сознания, но только сейчас заявившей о себе в полный голос. Я узнал о планете в первую неделю после устройства на должность заместителя младшего помощника инспектора, конечно, слышал все офисные легенды, но мне казалось, я далек от мыслей о ней. Она, вообще, не для меня. Не для такого, как я: наверное, это и сыграло роль детонатора. Мне страстно захотелось забыть хоть

ненадолго доставший своими фокусами ЦТП, отправиться туда, где о нем и слыхом не слыхивали, жили спокойной, размеренной жизнью, уверенные в друзьях и соседях, в завтра, – да во всем, что составляло их бытие.

Нет, зря мне дали прочесть инструкцию по пребыванию на 912, я захотел пробыть там возможно дольше, если повезет, еще раз вернуться. Ведь это единственное, чему можно доверяться в ЦТП.

Наутро, едва только открылось окно для моего отправления, я уже стоял у старой распределительной двери, которую настраивал техник. Телепорт на планету использовался редко, выделять под него отдельные врата перемещения никто не посчитал нужным. Странно, конечно, ведь по циркулировавшим в секторе слухам, охотников до 912 была уйма. Но нет, минут двадцать прошло, – время для меня тянулось невыносимо медленно, – прежде, чем дверь одобрительно замигала зеленым. Я влетел внутрь, не дожидаясь прощальных слов, они остались частью на той стороне, частью растерялись десятками световых лет пространства.

Еще миг, дверь открылась, и я оказался на 912. В пустом уютном помещении, больше всего напоминавшем черную комнату – в углу свалены приборы, доски, какой-то хлам, а у входа, стоял немолодой мужчина в потертом спортивном костюме; едва завидев меня, исполненного восторга, улыбнулся уголками губ и пригласил на чай.

Соседнее помещение куда больше походило на жилое:

комната, перегруженная ветхой мебелью, увешанная пропылившимися коврами. Ощущение, словно здесь бывали наездами. Хотя по документам должны постоянно находиться четверо сотрудников: руководитель миссии с супругой, его помощник и секретарь. Встречающий провел меня в комнаты, познакомил с женой, объяснил: остальные в городе, – и еще раз напомнил параграфы правил. Пока супруга разливала терпкий зеленый чай, пахнувший неведомыми пряностями, от которых, ну, и от предвкушения чего-то невообразимого, мурашки пробегали по коже.

Миссия располагалась на небольшом острове в экваториальной части планеты, его занимало «государство трудящихся», как оно гордо именовало себя, находящееся в состоянии холодной войны с соседями. На 912 находилось чуть больше двух дюжин стран, что неудивительно, суша занимала всего пятнадцать процентов, остальное – сплошная зелень океанов. Этот остров площадью в триста тысяч квадратных километров и населением в сорок миллионов человек был выбран по техническим характеристикам: и ландшафт подходящий для размещения баз первоначальной терраформации и его уединение на руку.

Но мне хотелось надеяться, что это не все причины. Ведь именно об этой стране витали слухи и распространялись легенды. Именно о ней, сразу после терраформирования объявившей себя средоточием протеста против экспансии ЦТП и – кажется – сумевшего если не победить, так выстоять про-

тив нашего монстра. Ведь почему же еще контакты с 912 были столь редки, почему планета не нанесена на карты даже внутреннего пользования?

Мы поговорили немного. Я больше расспрашивал, но ответов не слушал, не терпелось увидеть все самому. Миссия находилась на окраине города, номер мне забронирован в гостинице в самом центре, руководитель обещал сам провезти по всем примечательным местам. Как только он произнес эти слова, разговоры потеряли всякое значение, так хотелось отправиться в путь. Он, видя мое нетерпение, наконец поднялся. Я следом, естественно, наступая на пятки.

Машина руководителя миссии оказалась старой, потрепанной, с керосиновым двигателем. Технологии планеты, почти не изменившиеся после терраформирования, потихоньку брели своим чередом: времена парашютов, монопланов и дирижаблей. Их я видел не раз во время инструктажа, чем-то удивительным веяло от одних только замысловатых форм чуда планетарной инженерной мысли. Одно такое ждало в гараже, еле заведясь, машина медленно покатила по широким, обсаженным деревьями проспектам, мимо старинных зданий и современных строений, парков и скверов, фонтанов и статуй.

Первое время старик молчал, потом, видя, что я немного освоился, начал рассказывать. Вот это здание – дворец культуры, тут крутят старое кино, еще революционное, бесплатно, разумеется. Вот это парк Победы, тридцать лет была по-

следняя война с Северным союзом, сейчас у нас с ними отношения полегче. Это институт красоты, это медицинский, а вот в этой поликлинике, проходят практику лучшие интерны. Да и мой вам совет, если вдруг что, – лучше туда. Для всех, включая иностранцев, у нас обслуживание бесплатное. А это памятник основателю государства, дальше – исторический музей, а вот это, крупнейший в стране универмаг. Цены там кооперативные, но вам выдали на месяц тысячу золотых, тут этого на год с лихвой хватит. У нас зарплата средняя сто сорок. А вот здесь можно бесплатно постричься, при технике, у нас при техникумах все бесплатно.

Он так часто говорил это «у нас», что я уже перестал воспринимать его как миссионера – туземец, везший меня в гостиницу «Спорт» и по дороге показывающий достопримечательности. Как на любой планете. Вот только слово «бесплатно» повторялось слишком часто.

Подъезжая к помпезному зданию, построенному перед самой войной, руководитель миссии еще раз напомнил очевидное. Я представитель деловых кругов соседа сверху по карте, чьи ближайшие острова и военные базы расположены в трехстах километрах от острова, прибыл на отдых впервые. Первое время меня будет сопровождать гид, это не займет больше двух-трех дней, после чего руководитель миссии обещает нажать на спецслужбы. Я тотчас спросил, а много ли в стране настоящих иностранцев – немного, вот десять лет назад, когда разрешили въезд, гостиницы были ими забиты, сейчас же

по пальцам пересчитать. В основном специалисты.

– А из ЦТП?

– История та же. Мы с женой здесь почти с самого terraформирования, а приветили всего ничего. Вы же чуть не каждый день новые планеты открываете.

– Но ведь 912 не открыта для публики.

– Определенный флёр есть, да, все равно, не едут.

Я так и не понял, сожалел он об этом или только делал вид – слова прозвучали неубедительно. Я спросил о таких как он, экспатах, да раньше, много переезжало. Сейчас обратно умотали. И снова, ничего не выражающим голосом.

Мы подъехали, задерживаться старик не стал. Полулюкс на мою персону был забронирован еще вчера моей «корпорацией», мне оставалось только расписаться в гроссбухе, получить временную регистрацию – завтра завизируйте ее в полиции – и заполнить форму соглашения об ограничении в поездках по стране, о фотосъемках на местности и еще многое, в том же духе. Хоть между Северным альянсом и государством трудящихся и была передышка в противостоянии, но все понимали, закончиться она может в любой момент: на очередном пленуме здесь, при смене власти там. Перестраховываемся, так и сказал портье, вписывающий данные в каталог. Я отправился осматривать номер.

За прошедшие тридцать лет прежде эффектное здание из стекла и алюминия сильно поистрепалось. Номера размерами не отличались, только наполнением, здесь считалось,

что чем больше мебели в комнате, тем выше статус – так что, первые два дня я набил изрядно синяков и шишек, пробираясь впотьмах от уборной до кровати – ночью свет не работал. Первое время думал, это прихоть гостиницы.

Зато побывать успел много где. Государство трудящихся жило бедно, но туземцы стоически переносили частое отсутствие товаров в магазинах, выстаивали огромные очереди за жизненно важным, будь то хлеб или мыло. По кооперативным ценам купить товары, чаще всего завозные, возможно, но мало у кого хватало денег, а потому экономили или как-то изворачиваясь, доставали через знакомых. На улицах почти повсеместно располагались бесплатные телефоны – больше потому, что в домах они не у всякого имелись. Как и отключения электричества с двадцати двух до шести, как порой отвратная вода из крана, когда в очередной раз что-то где-то прорывало... Но вот странно – я сам вскорости перестал обращать внимание на неудобства, даже получал своего рода удовольствие от них. Буквально загонял приставленного ко мне «гида», посещая то музей, то выставку, то парк, где играл задорные вальсы и фокстроты духовой оркестр. Съездил на океан, пусть не сезон, но вода теплая, а на медуз я внимания не обращал. Побывал на кофейных плантациях, единственное, что страна производила на экспорт. Был в древних городах, где до войны велись раскопки, а сейчас пустыня снова брала свое, заносая открытые сокровище слоями песка. Сгонял на фестиваль виноделов. Да много что повидал,

но куда бы ни ехал, всюду встречал пустоту.

Это больше всего удручало. Не потому, что я так хотел общаться с местными, привык к другому. А вечно становиться предметом прекращения шумных бесед, веселых споров, еще не доводилось. Гражданам страны трудящихся не возбранялось общаться с иностранцами, но и не одобрялось. Ведь потепление временное, разрядка до тех пор, пока враги, а их все равно видели в моем лице, не соберут новые армии. Потому я и оставался либо в обществе таких же, как я, либо в среде настоящих северян. Ни с теми, ни с другими не складывалось.

Вот разве дочь замминистра революционной безопасности. Мы с ней быстро сошлись. Будучи на десять лет старше меня, Лидия виделась мне немного уставшей от прожитого женщиной, еще бы – детство ее пришлось на войну, на артобстрелы столицы, жестокие схватки с десантом, бои на окраинах; все это наложило незримые морщины на высокий лоб. Но несмотря на это, она осталась обходительной, теплой и, главное, в чем-то очень близкой мне. Верно, поэтому так быстро и сошлись, встретившись однажды за обедом. И с ее отцом, видным участником сперва революции, а затем и войны. Награжденный множеством орденов и медалей, он занимал парадный пост, да и проживание в гостинице для интуристов говорило, что секретов своей службы выболтать никак не мог. В «Спорте» действительно жило немало высоких чинов из малозначащих ведомств. Пожилые руководители,

они редко общались друг с другом, видно, устав от долгого знакомства. Неудивительно, что генерал, найдя нового поселенца, жадного до всего тутошнего, обрушил на меня всю страсть очевидца, измучившегося по внимательному слушателю, пусть и с враждебной территории.

Мы частенько собирались втроем в его номере перед обедом или после, если под вечер, то говорили до тех пор, пока не начинал работать телеприемник – здоровенный шкаф с крохотным оконцем, по которому с шести до десяти показывали то парады, то концерты безо всякой программы. Телевидение, здесь было в новинку. Старик замирал, и сразу отключался, ведь большая часть передач касалась его – была то война или революция, и там и там он был активнейшим участником, получавшим похвалы и награды из уст и рук самого отца нации. С Лидией мы оставались наедине. Сухая, немногословная, в отличие от отца, она предпочитала уединение, давно устав от его однообразных монологов. Мы спускались в ресторан или шли на набережную. Часто сидели молча, глядя на вечеряющие небеса, откуда не высыплют звезды, здесь их много, в отличие от Земли, но все неяркие. Лидия поднималась первой, я отправлялся следом, некоторое время мы еще бродили по улицам, затем возвращались – она домой, где уже два года после развода жила одна, а я в свой номер.

Странно, что никто из нас не предложил другому пожить вместе. Нет, в гостинице это исключалось, режим, а у нее...

впрочем, я ведь был иностранцем, возможно, это мешало ей принять меня полностью. Но в моменты, когда небо чернело, освещаясь лишь крохотными лунами и тусклой россыпью звезд, мне казалось... Я ни разу не спросил ее напрямую. Ну да, разница в возрасте, ее немногословие и моя нерешительность, игравшая шутки при встречах с ней. Кажется, мы оба ожидали одного, но так и не заговаривали об этом.

По прошествии недели, генерала пригласили в далекий городок на востоке, славящийся своими целебными источниками и грязями, пустышное вроде бы предложение, пришедшее из канцелярии Госсовета, но старик собрался немедленно – намечалась важная встреча друзей старых времен. О своей работе в аппарате он забыл напрочь, буквально светился и, наплевав на телевизор, сыпал ворохом воспоминаний весь вечер. Лидия, сославшись на усталость, оставила нас. Еще перед этим меж нами вышла размолвка: молчание начало потрескивать разрядами невысказанных слов. А генерал вдруг предложил сопровождать его. Я, минуты назад мечтавший уйти, а потом тихонько пробраться к дому Лидии и просить прощения, сам не поняв как, согласился.

На полпути, на одном из перевалов, машина подверглась нападению. Старый пикап, с истошным ревом стукнулся в борт нашего лимузина, кинув на придорожные валуны, загремели выстрелы. Водитель, пытавшийся достать пистолет, был убит на месте, в разбивающиеся стекла полезли стволы и руки. На голову набросили мешки, пахнувшие геранью,

заломив, связали руки, старик пытался сопротивляться, пара ударов, и я услышал, как бесчувственное тело протащили к другой машине. В лицо пахнуло чем-то холодным. Я провалился в небытие.

А когда вернулся, показалось, будто ослеп. Спешно схватился за лицо, нет, всего лишь плотный непроницаемый мешок. И тут же получил крепкий удар в грудь, от которого снова завалился на пол.

– А ну, лежи и не дергайся.

Я даже не испугался, настолько был ошарашен случившимся. Поражен до глубины души. А потому верно, не сразу сообразил, что мне, пришельцу, надлежит делать в таких случаях. Ничего подобного прежде не происходило, да я и не слышал, чтоб происходило хоть с кем-то. Я послушно дал сковать себя наручниками, и вслушивался в шепот хриплых от волнения голосов, не разбираемо мужских или женских.

– Старик на месте? – Да, упакован надежно, проверено. – Точно не отыщут? – Даже не сомневайтесь. – А с этим что? Он вообще кто ему? – Не представляю. По виду северянин, может, враг детства? – Может, из сыновей перебежчиков? – А куда его деть-то, у нас мест... – Погоди, вы его обыскали? Может, он телохранитель... – Из иностранцев?

Ко мне подошли двое или трое сразу, в грудь тыкнулся ствол.

– Подождите, я не иностранец, я не имею к генералу ника-

кого отношения, знакомый его дочери, – и тут только вспомнил и спохватился: – Я инспектор из ЦТП. Прибыл на вашу планету...

– Ах, зараза! – перестук каблуков по бетону пола. От меня шарахнулись, внезапно я услышал звук передергиваемого затвора, такое, даже если не смотреть исторические фильмы, ни с чем не спутаешь.

– У меня внутренняя виза есть на посещение, снимите это, я достану.

– Где?

– Во внутреннем кармане, нет, слева, – по груди зашарили торопливые, руки. Нашли искомую карточку, – счастье, я не оставил ее в номере, не доверяя примитивным механическим замкам, звонко щелкавшим по утрам, когда начинали свою работу уборщицы. Долго разглядывали. – Надломите, она заработает.

Щелчок, новая порция молчания. И тихий голос:

– Что теперь делать-то?

Никто не ответил. Тишина затягивалась, ватная, жуткая. Руки стали затекать. Я пошевелился, пытаюсь переменить позу, за спиной послышалось шуршание, каблуки затопали, удаляясь. Журчание далекого беспокойного разговора – будто ручей плескался. Я снова зашевелился на полу, нагретом солнцем. Очень хотелось встать и размяться, пойти уже к себе в гостиницу и забыть обо всем. Почему-то никак не желало приходить в голову, что все происходящее реально.

Не плод фантазий, не розыгрыш старика генерала, решившего показать, как было во времена оны, когда его самого, во время войны, захватили в полон и держали в каменном мешке месяц.

Кажется, они сами не понимали, что со мной делать. Разговор становился неровным, нервным. Я услышал пару фраз – «высадить подальше», «еще подержать, пока не решим». И наконец: «может, уж хватились, а мы...». Я похолодел и вздрогнул. Ведь специально отключил чип слежения, чтоб не лезли, не дергали, не мешали отдыхать. Так всегда делал на курортах, так все поступают....

Совсем стихло. Верно, стоят, смотрят. Я откашлялся.

И тут меня подняли и снова потащили куда-то. Усадили на табурет. Браслеты звякнули, освобождая руки. Я не шевелился, голова шла кругом; тут только кто-то догадался снять мешок, на миг неяркий свет ослепил.

Меня посадили лицом к заходящему светилу, багряными лучами освещавшего неуютное помещение с растрескавшейся мебелью. Стекол не было, их заменяли бамбуковые жалюзи, скатанные до половины в темный свиток.

Четверо молодых людей и девушка. Немного моложе меня, двадцать пять лет максимум. Пристально разглядывали меня. Кто-то хмурился, кто-то покусывал губу. Тишина засасывала. Солнце слепило. Голова никак не успокаивалась. Темные фигуры, серые овалы лиц.

– Мы приносим вам извинения за неприятные часы, – мо-

лодой человек, взявший слово, кашлянул, заглушая дрожание голоса, и прибавил: – От имени Армии освобождения Сагавы. Заверяю, что не намеревались причинить вам, какого бы то ни было, беспокойства. И в вашем лице Центру terraформирования планет. Пожалуйста, обязательно передайте мои слова руководству. Дружеские отношения, которые мы надеемся обрести в лице столь могущественной организации, для нас священны.

Пауза. Неловкое шебуршание: кто-то переступил с ноги на ногу.

– Сагава, это что? – спросил я; напряжение, витавшее в комнате потихоньку испарялось. Оказалось, самоназвание государства.

– Мы не нашли на картах вашего наименования страны, поэтому воспользовались старым.

– У нас нет названий, только нумерация. Ваш номер двадцать два, – они переглянулись. Из-за спины сухого, бледного молодого человека, выступившего в роли старшего, кто-то прошептал: «„Армия 22“ – звучит даже солидней». Юноша обернулся, шорох слов замер.

– Еще раз примите наши извинения, – скороговоркой произнес он. – Мы доставим вас обратно сейчас же.

– Март, погоди, не успеем до одиннадцати, а после не пустят, – вступила девушка. – И потом, заправки закрываются в десять. Уже закрыты, – добавила она, глянув на часы. И ко мне: – Простите, но вам придется подождать утра.

– Его иначе выселят, Рада. Вы здесь инкогнито? – я кивнул и спросил:

– А что с генералом? – молодые люди переглянулись.

– Ему не причинят вреда, я ручаюсь. Это просто... похищение.

– А шофер?

Простой вопрос сдетонировал собрание. Заговорили, перекрикивая друг друга, все сразу, переходя с русского на туземный и обратно. Кто-то потряс кулаками, кто-то топнул ногой, обо мне, сидевшим в метре от них, собравшиеся мгновенно забыли, выливая скопившиеся обиды, не только и не столько их – отцов и дедов. Кричали и спорили, пока бледный молодой человек не взял на себя труд разъяснить.

Это была казнь, пояснил он. Человек, ныне служивший водителем генерала, в былые годы, сразу после войны, запятнал себя участием в терроре против населения. Тогда власти, напуганные вторжением, чудом прогнав захватчиков, попытались отыграть за все страхи на гражданах. Присные на местах и в центре устроили охоту на мифических поджигателей войны, окопавшихся диверсантов, пятую колонну. Тысячи людей попадали в тюрьмы, в трудовые лагеря, казематы, или уничтожались сразу. Одним из палачей стал шофер. «Мой отец погиб от его рук, я смог узнать об этом через наших друзей», – произнес бледнолицый молодой человек. «Моя двоюродная тетя», – сказала девушка. «Мой дед», – заговорили из-за ее спины.

– Мы мстили за них. Нам не удалось узнать, кого именно, сколько всего людей убил этот человек, но его руки по локоть в крови, и наш революционный трибунал, наша Армия освобождения, вынесла ему смертный приговор. Он знал это... – его слова потонули во всеобщем шуме. Некоторое время все говорили одновременно, потом так же внезапно смолкли.

– Да что же мы так, – спохватилась девушка. – Вы сидите, мы стоим, прошу за стол.

И вышла в соседнюю комнату. Кто-то зажег керосиновую лампу, поставил на деревянный стол, стоявший рядом с окном. Солнце зашло, незаметно сгущались сумерки, лица темнели, теперь собравшиеся казались много старше своих лет.

Захотелось позвонить Лидии, сказать, что со мной, наверное, и с ее отцом, все в порядке, чтоб не переживала, чтоб не думалось дурного. Я постараюсь их разубедить, если что, я вроде вошел в доверие.

И неожиданно понял: скорее всего, Лидия еще ничего не знает о случившемся. Доехать до места мы должны полночь, никаких средств связи в машине нет, а на дороге случается всякое, час-другой ожидания – это в пределах нормы. Они неторопливы, жители государства трудящихся, и оттого спокойно шагают по жизни, не спеша встретить следующий поворот: быть может поэтому еще я так старательно и безуспешно пытался влиться в их круг? И не потому, что меня не приняли, а потому, что сам не сумел, за все эти дни, неде-

лю, приспособиться к неспешности течения времени, совсем иного, нежели на неммыслимо далекой – во всем – Земле.

Эти же – торопились. Быстро накрыли на стол, стряхнув пыль тряпкой, разложили приборы, поставили традиционное молодое вино, салаты, нехитрую снедь, сыр. Девушка, резавшая овощи, извинилась за скромность трапезы, карточки кончились, а деньги ушли на подготовку и само похищение. Я кивнул, не понимая, чему именно.

– Так что же, вся Армия, это вы?

– Ну что вы, – она даже улыбнулась. – Нас много, у нас еще есть несколько... ячеек. Есть люди, которые помогают нам. Как бы мы смогли все это сделать без помощи. Звонок, заставивший генерала выехать из гостиницы, он ведь...

– Я прошу тебя, – встрял старший. Девушка смолкла. Я понял, что Лидия так ничего и не знает и не узнает, до самого утра. Если не позже. Пока будут разбираться, куда генерал уехал, зачем, кто ему звонил, откуда... она уже легла спать, здесь ложатся рано, и сейчас, не тревожась ни о чем, видит сны. Она говорила, в одном из таких, видела меня...

– Давайте я вам расскажу, кто мы такие, и почему так вышло с генералом и его водителем, – предложил молодой человек. Мы приступили к трапезе: вино вызрело горьковатым, сыр квелым. Я кивнул, вдруг неожиданно поняв, насколько хочу спать. Страх испарился, его место заняла вялость, желание поскорее преклонить голову и забыться. А проснувшись, бодрым, здоровым в своем номере, ни о чем из слу-

чившегося не вспоминать.

Старший ячейки, наконец, заговорил, его слова проваливались в меня, как в бездну. Компания молодежи, именовавшая себя Армией освобождения, решила сделать мир лучше своими крохотными силами, ибо полагаться им было не на кого – народ безмолвствует, власти закручивают гайки, сторонники хорошо, если не сидят в казематах. Последние годы всех охватывало отчаяние, многие повстанцы попросту разошлись. Но любая армия должна заявить о себе и сперва устраивала показательные акции, поджоги, взрывы в пустых зданиях. Постепенно поняла, насколько это бесполезная трата времени, сил и, самое главное, верных товарищей. Арестованным впаивали громадные сроки за терроризм, семьи подвергались гонениям, как мера превентивного воздействия на активистов. В тюрьмах они редко проживали дольше года – странные случаи самоубийства, участие в беспорядках – перепуганным родителям выдавали справки о смерти. О месте похорон ничего не говорилось.

Тогда они решили мстить, в ответ на террор, развязав собственную войну. Они больше не забрасывали бутылками с зажигательной смесью здания участков и партийных ячеек, не избивали активистов, не взрывали машины. Они начали охоту за людьми. Генеральский водитель – уже третья жертва на их счету, и, тут молодой человек сделал многозначительную паузу, – нас восприняли всерьез, нас действительно посчитали угрозой безопасности. Теперь каждому, входящему

в Армию или их приспешнику грозила смертная казнь. Они, сидевшие против меня, вокруг меня, обычные молодые люди, переглядывались, улыбаясь, кто-то пошутил насчет тайной полиции, ищущей среди своих соглядатаев Армии, ведь прошлая жертва была оттуда – в ответ рассмеялись все пятеро.

А я... кажется, в этот момент отключился. Или и прежде видел сон, а только сейчас осознал, что я в сновидении? На какое-то мгновение повисла пауза, а потом все пришли в движение, меня подняли, молча проводили в соседнюю комнату, уложили на жесткую кровать с продавленными пружинами. Больше не помню ничего – только заглянувшее в окно утро.

Проснувшись, я не поверил увиденному, и только по прошествии минуты память повелительно закрыла солнце серыми тучами. В дверь постучали, девушка спросила, спокойно ли мне спалось, ничего не беспокоило – я качал головой, оглядываясь, возвращаясь в новую реальность, – она пригласила завтракать. Вышел, к тому же столу, к тем же сидящим. Будто с моим уходом не прерывалось ничего.

Завтракали вином и салатом, старший еще раз извинился за скудость, но карточки можно отоварить после двух. Мы сейчас вас подбросим поближе к гостинице, но вы понимаете, остановиться рядом не можем. И ехать вам придется в пикапе, Рада и Гор будут с вами, я за рулем.

Они не спешили. Сосредоточенно жевали нехитрую

стряпню, запивали хлеб горьким вином, а я вглядывался в лица. Молодое солнце высветлило их, сейчас собравшимся нельзя дать больше двадцати. Они юны, полны сил, они подкрепляются рассветом, искрятся им, вся жизнь впереди, все дороги свободны.

Мы выбрались на порог, старший отправился за руль, крепыш, вечно находившийся за спиной девушки, отворил мне дверь кузова пикапа и первым полез внутрь. Я огляделся. Неприметная хижина, заросшая кустарником, вокруг еще несколько таких же, еще более запущенных. Станным образом место напомнило мне виденное совсем недавно, в пустыне – поглощаемые песком тысячелетние города. Я поежился.

– Здесь давно никто не живет?

– Года четыре, – ответил Март. – Все едут на производство кофе, здесь он не растет. Раньше выращивали фрукты-овощи, но государство платило слишком мало, община разбежалась.

– Одно время пытались ставить кордоны на дорогах, не помогло, – поддержал Гор, – да и сейчас крестьянам запрещено жить и работать в городах. Только на всех охраны не хватает.

Дверь хлопнула, пикап тронулся в путь, подпрыгивая на ухабистой дороге. Один поворот, второй, третий, – я потерял счет времени. Часов не было, дорога казалась то бесконечной, то краткой. Мы, все трое, поместившиеся в контейнере пикапа, молчали. Гор, в самом начале, заговорил

об их Армии, всего пару минут, успел рассказать только, что они второе поколение, что первое уже сошло в никуда, да наверное, оно и к лучшему, слушком любили договариваться, слишком верили обещаниям власть предержащих, – а вот они, зубастые, пришедшие на смену, действуют иначе. Я еще вяло поинтересовался, сколько лет Армии. Оказалось, всего три года. До этого она называлась Фронтом национального освобождения, и существовала еще лет пять, а потом пришел Март, и все поменялось.

Наконец, Рада пристально взглянула на него, и Гор замолчал на полуслове. Ехали молча, слушая тарахтение старого мотора. В щели виднелось голубое небо, редкие облачка: величавое спокойствие, которое только и осталось в недостижимой выси.

Пикап раз останавливался по дороге, на заправке, еще полчаса или больше ожидания, и конец пути. Март вышел, помогая выбраться, еще раз попросил извинений передо мной и ЦТП, за причиненные неудобства, за моральный ущерб, за то, что не смогли доставить прямо до гостиницы.

– Будет сеанс связи, обязательно передайте наши извинения, – влез Гор, – а так же самые искренние пожелания долголетнего сотрудничества, они в нас не раскаются ни на...

– Не вмешивайся, – обрезал Март. – Это, по меньшей мере, некрасиво.

– Будто я не понимаю, но другого времени не будет.

– Некрасиво по отношению к товарищам. И к стране во-

обще. Это же наша страна, Гор, – неожиданно с нежной горечью произнес старший.

– Это не наша страна! Нашей она может стать только с чьей-то помощью. Как будто не понимаешь, что мы ничто в сравнении с этой машиной смерти. Мы еще тыщу лет сражаться будем, а с места не сдвинем.

– Помолчи! – это уже Рада. Но Гор, заведшись, не сдавался.

– И я не уверен, что банальное похищение выход. Тем более его. Вот убийство, да, оно всколыхнет. Оно привлечет батальоны смерти, оно... может, хоть Центр терраформирования планет спохватится и разберется. Ну, невозможно ж терпеть на своей планете такое, согласитесь? Вмешаться и все исправить. Вы же терраформировали нашу землю, ведь для чего-то вкладывали в это и старания и деньги, все вкладывали, скажите, для чего же? Тут только два варианта возможны – либо вы даруете местным познания, либо отбираете у них что-то. Да скажите же! – Я молчал, смотрел на молодого человека и молчал. Гор махнул рукой и плюнув, отошел к дому.

Как будто мы проехали врата перемещения и оказались где-то далеко-далеко от государства 22, на другой планете, под другим солнцем, за сотни парсек от прежнего места.

Вокруг, насколько хватало глаз, раскинулись трущобы. Высокие и низенькие, вросшие в землю домишки, источавшие смрад, гниение, запах нечистот, каких-то химикалий,

евших слизистую. Я закашлялся.

Мы остановились на высоком холме. Домишки облепили его со всех сторон. Где-то кричали петухи, клохтали куры, устало брехали собаки. А вокруг, как ни в чем не бывало, бегали дети, играя в обруч, такие же грязные, в обрывках одежд, вокруг серого от грязи и копоты белья. Внизу, среди домиков, петлял заболоченный ручей, там черпали воду, стирали белье, туда же бросали нечистоты. Чуть выше по течению, стоял завод, источавший белую полосу облаков из массивных труб, столь едкую, что прожигала даже голубое небо, делая его серым окрест себя. Краем облачный шлейф тянулся над трущобами, может острый запах химикалий оттуда? Я снова закашлялся.

Неудивительно, что дети даже не удостоили взглядом выбравшегося из пикапа. Грязный, небритый, всклокоченный – я мало отличался от местных жителей. Разве что кашлял от того, к чему их обоняние, сызмальства огрубев, уже приспособилось.

– Это наша страна, и мы за нее в ответе, – так и не услышав от меня ответа, произнес старший. – Мы сделаем ее лучше, мы для этого родились на свет и точка, – старший резко повернулся ко мне, и тут же изменив тон, спросил, не нужен ли платок. Я отказался.

– Где мы вообще?

– Это окраина столицы, так называемый Старый город. До революции здесь жила знать, потом дома частью снесли,

частью перестроили под нужды рабочего класса, вот там, – он указал на химзавод, – находился Летний дворец императора. Простите, но дальше мы не можем вас сопровождать. Но до гостиницы добраться очень просто. Проходите улицу Строителей до конца, выйдете на шоссе Энтузиастов, там будет остановка тридцатого автобуса. Ходит он нерегулярно, но вы сможете поймать маршрутку или велотакси. Они доведут вас до площади Восстания. А оттуда буквально два шага, в сторону Дома Народов. Это высотное здание с золоченым шпилем и часами, вы, наверное, его видели.

– Из номера, – кивнул я. Мы попрощались, неловко пожав руки. Пикап затарахтел, обдав игравших детей клубами черного дыма, скатился вниз по холму. Я еще ждал чего-то, но когда машина скрылась, медленно побрел к шоссе, нагнув голову, прижимая платок к лицу. Как поверженный в драке. Выбирался с пропахших зловонием улиц без солнца, без зелени, без единого стекла, – в неведомую даль, к чистому небу, к паркам и фонтанам. Брел, пока не услышал шум, скрип и крики погонщиков.

На шоссе дома были хотя бы кое-как покрашены – но тоже стояли, зияя пустыми глазницами окон, кое-где забитыми фанерой или заложеными картоном или тряпьем, вяло колышущемся на ветру. Тут хоть можно дышать.

Машин почти нет, – пока я осматривался, проехали с десятков не больше, все старые разваливающиеся колымаги, или такие же пикапы, как и довезший меня сюда. Осталь-

ное пространство заполняли либо велосипеды, либо гужевой транспорт, перевозивший пассажиров, продукты, нехитрый скарб, коробки с магазинным товаром. Ни регулировщиков, ни светофоров, перейти на другую сторону пришлось, перебегая между волами и лошадьми и стараясь не вляпаться. Автобус, двухэтажный монстр, прибыл через минут десять ожидания, влезть в него, как ни старался, не смог, слишком много пассажиров, и так висевших на поручнях. Пришлось звать велотакси.

Им управлял старик ветеран, за золотой он согласился доставить меня до самой площади Восстания. Мы отправились в путь, старику хоть и привычно крутить педали, но сегодня он уже наработался, а потому еле тащил крохотный мобиль, честно отработывая врученные деньги, – только негромко позванивали знаки заслуг перед отечеством на кителе.

Путешествие длилось около часа, оба изнемогли. Я добавил старику еще столько же, невзирая на его просьбы, в глазах читалась беспримерная усталость и мольба о помощи, наверное, я был неправ, но запихал в карман меж орденами бумажки и поспешил прочь.

Планета постепенно приходила в себя, расцветали привычные пейзажи, заполнялись знакомыми красками, мир, качнувшись вправо, качнулся влево, но искомой гармонии не достиг – возле самой гостиницы стояли две полицейские машины. Я добрался до номера, стал вызванивать Лидию.

И когда девушка на коммутаторе готова была соединить

нас, бросил трубку. Что я скажу ей? Что?

Да, эти революционеры рассказали, как отвечать на все расспросы, еще утром, очень просили запомнить в точности. Мол, после похищения меня усыпили, а затем выбросили на окраине города, еле смог выбраться. И я согласился, не ропща, не возражая. Подавленный, кем? – двадцатилетними недоумками! И так преклоняющимся перед мной, как представителем могущественного Центра терраформирования... будь он неладен. Будь я неладен! И так возносящие его до небес и просящие у него прощения – что же я не надавил на них. Не потребовал немедля отпустить генерала? Иначе, им на головы сверзится небесная кара корпорации. Отчего робко молчал, а после с готовностью вкушал хлеб и пил вино?

Что со мной вообще случилось такое? Робко соглашаясь и поддакивая, не озаботился даже о судьбе своего знакомого, с таким доверием отнесшегося ко мне. Ведь я же инспектор, я по должности своей разруливал непростые ситуации, а засыпался на самой простой. Плевать, что взяли в плен, я перед ними, как титан перед муравьями, одно мое слово могло перевернуть этот мир. И ничего не знаю об этой банде, ни состав, ни число, ни местонахождение. Только серый пикап с драной крышей. И лица по крайней мере трех из этой ячейки. Расковырять их лежбище, вытащить на свет, долго трясти, а потом бросить к ногам – единственное, чего так сильно и так запоздало хотелось.

И еще успокоить хоть как-то Лидию. Моя вина, только моя.

Снова попросил девушку соединить меня с абонентом, оба долго ждали. Наконец, извиняющийся голос: «на том конце никто не отвечает, попробуйте перезвонить попозже». Я похолодел. А если, они и ее, вот так? Выскочил наружу, и в то же мгновение столкнулся с каким-то чином. Вытащив удостоверение комиссара, чин попросил задержаться – нет, с Лидией все с порядком, сейчас она у прокурора дает показания, ну что вы, конечно, ее никто и не думал забирать, мы пытаемся разобраться. И оставшись наедине в номере, прибавил: пожалуйста, не сообщайте об этом инциденте никому, это в ваших же интересах. Я снова подавился и кивал, кивал...

Допрос оказался недолгим – я повторил все то, чему меня научили подпольщики, комиссар, сожалея, откланялся, и попросил только не уезжать из столицы, он еще свяжется. Когда он ушел, я в изнеможении плюхнулся на кровать, ни разу в жизни не чувствуя себя столь униженным. Кулаки нещадно колотили подушку, мяли, терзали ее. Единственный выход, который сумел найти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.